

ТЭЙЛОР АДАМС

ТЭЙЛОР АДАМС

ВЫХОДА
НЕТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
А28

Серия «Детектив — самое лучшее»

Taylor Adams
NO EXIT

Перевод с английского: *Андрей Воронцов*

Компьютерный дизайн: *Владислав Воронин*

Печатается с разрешения Lorella Belli Literary Agency
и Synopsis Literary Agency.

Адамс, Тэйлор.

А28 Выхода нет : [роман] / Тэйлор Адамс ; [перевод с
англ. Андрея Воронцова]. — Москва : Издательство
АСТ, 2019. — 352 с. — (Детектив — самое лучшее).

ISBN 978-5-17-110391-0

...Снежная буря. Маленький мотель в горной глуши, отрезанный от всего мира. Мотель, в котором укрывается от разбушевавшейся стихии горстка автомобилистов.

Одна из них — студентка Дарби Торн — тщетно пытается поймать на автостоянке сигнал сотовой связи и внезапно видит мелькнувшую в заднем стекле припаркованного фургона детскую руку.

В машине заперт похищенный ребенок!
Как его спасти? Что предпринять?

До полиции не дозвониться. Доверять нельзя никому из «товарищей по несчастью» — ведь преступником может оказаться любой из них.

А это значит, что Дарби предстоит в одиночку вступить в смертельную схватку...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-110391-0

© Taylor Adams, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

Посвящается Райли.

Эта книга — литературное произведение. Все имена, персонажи, деловые предприятия и организации являются либо вымыслом автора, либо описываются в выдуманных обстоятельствах. Все сходства с реальными людьми — как ныне здравствующими, так и умершими, событиями и местными приметам являются чисто случайными. В тексте употребляется американское правописание английского языка, за исключением тех случаев, когда автор намеренно подчеркивает особенности произношения или диалекта.

Отправлено:12/23 18:52

Кому: Fat_Kenny1964@outlook.com

От: amagicman13@gmail.com

Мы сделаем это сегодня ночью. Потом нам будет нужно место для ночевки на несколько недель. И мне необходимо знать — для уверенности, — что ты не передумал насчет того, о чем мы говорили. Отправь мне точные цифры. Затем удали это письмо, а я удалю твое.

Я торчу на стоянке в местечке под названием Нигде, штат Колорадо, пурга становится сильнее.

И я о том, что сделанного не воротишь. Пути назад не будет.

А, и Счастливого Рождества.

СУМЕРКИ

7:39 пополудни

23 декабря.

«Вертела я тебя, Бинг Кросби».

Дарби Торн находилась в шести милях от перевала Впалая Хребтина, когда «дворники» сломались, а этот баритональный бас принялся за второй куплет. Нет, серьезно: он получил свое Белое Рождество, о котором пел. Теперь может заткнуться.

Она переключала каналы приемника, ничего другого не находя, кроме помех, и смотрела, как левый «дворник» стучит и болтается, будто сломанное запястье. Дарби подумывала перетянуть его изолянтной, но здесь негде было встать на обочине — только грязные массы льда нависали стенами слева и справа. В любом случае она боялась остановиться. Снежинки были крупные и мокрые, когда она проезжала через Джипсум полтора часа назад, но они стали мельче и злее, словно песок, стоило ей забраться повыше. Теперь они гипнотизирующе мерцали в дрожащем свете фар и через лобовое стекло выглядели размыто, как звезды на сверхсветовой скорости.

«Колесные цепи обязательны!» — предупреждал последний виденный ею дорожный знак.

У Дарби не было своих цепей для колес. Пока, по крайней мере. Шел второй год ее обучения в Центральном Бо-

улдерском Университете, и она никогда не планировала никаких рискованных приключений вне стен кампуса, помимо походов в «Ральфи-Экономом»*.

Ей вспомнилась прогулка месяц назад, полупьяной, с гогочущим табуном сплетниц-полуподруг, соседок по комнате, и когда одна из них спросила ее, полшутя, но с нотками ехидства в голосе, куда она собирается ехать на Рождественские каникулы, Дарби ответила резко, что только повеление самого Господа Бога может заставить ее вернуться домой в Юту.

И, по-видимому, Господь услышал ее, потому что мать Дарби вскоре слегла с последней стадией рака поджелудочной железы.

Она узнала об этом вчера.

Из эсэмэски.

ШКРЯБ-ШКРЯБ. «Дворник» снова принялся стучать щеткой куда попало, но снежная взвесь была достаточно сухой, а скорость машины — довольно высокой, и лобовое стекло оставалось чистым. Настоящей же проблемой являлись снежные заносы на дороге. Желтая разделительная полоса была уже скрыта под несколькими дюймами свежей белизны, и периодически Дарби чувствовала, что сбивает ее поверхность подвеской своей «Хонды-Цивик», будто граблями. Это повторялось, как чихание — с каждым разом немного сильнее. В последний удар она даже ощутила, как задрожал руль под пальцами. Еще один дюйм снега — и она застрянет здесь, в горах, с четвертью

* *Ralphie's Thriftway, Thriftway* — бережливый путь, название супермаркетов, увлекающихся всякими акциями, распродажами, купонами и т.п., то есть риск в том, что можно купить просроченную чепуху. *Здесь и далее — прим. пер.*

Тэйлор Адамс

бака горючего, вне зоны действия сотовой связи, и только тревожные мысли составят ей компанию.

И навязчивый бесцеремонный голос Бинга Кросби, подумала она. Он промычал финальный куплет, и Дарби сделала маленький глоток теплого «Ред Булла».

ШКРЯБ-ШКРЯБ.

Вся поездка была такой — муторной, напряженной, мозговыносящей, через долгие мили предгорий и равнин, заросших кустарником. Нет времени останавливаться. Всё, что Дарби съела сегодня, — таблетка ибупрофена. Она забыла свою настольную лампу в комнате общежития, но заметила это только на парковке в Драйдене — слишком далеко, чтобы возвращаться. Ее мучила изжога. Пиратские треки «Школьных героев» и «Моего токсичного романа», поставленные на бесконечное повторение, непрерывно крутились в ее айпде, теперь благополучно почившем. Вдоль дорог мелькали зеленые вывески с выцветшей рекламой фаст-фуда.

Город Боулдер окончательно пропал из зеркала заднего вида около полудня, затем в дымке скрылся силуэт Денвера с его взлетающими и идущими на посадку самолетами, и, наконец, маленький Джипсум, принявший на себя удар снегопада.

ШКРЯБ-ШКРЯБ.

«Белое Рождество» Бинга Кросби постепенно затухало, и подходила очередь следующего праздничного хита. Дарби уже дважды прослушала оба.

«Хонда» внезапно дернулась влево. «Ред Булл» выплеснулся на колени. Руль рвался из рук, и она боролась с ним, с дрожью и с тошнотой (крутить в сторону заноса, крутить в сторону заноса!), и перед поворотом маши-

на вернулась под контроль водителя, продолжая ехать вперед и вверх, — но потеряла скорость. Потеряла обороты.

«Нет, нет, нет!» — нажимала Дарби на педаль газа.

Всепогодные шины перемалывали снежную кашу, машина тряслась в конвульсиях.

«Давай-давай, Синенькая, ну пожалуйста...»

ШКРЯБ-ШКРЯБ.

Дарби дала своей машине имя Синенькая с тех пор, как поступила учиться в университет. Сейчас она теребила педаль для того, чтобы чувствовать, как машина отзывается. Две струи снега взметались вверх из-под колес, она видела их в зеркало заднего вида красными от яркого света габаритных огней. Неприятный резкий звук — Синенькая снова проскребла животом снежную поверхность. Машина мужественно боролась, поваливая хвостом, будто была теперь наполовину лодкой, плывущей по снежной реке, как вдруг — ШКРЯБ! — левая щетка перестала стучать и отвалилась совсем.

Сердце Дарби екнуло. «Вот дерьмо».

Теперь падающий снег прилипал к левой полусфере лобового стекла, быстро накапливаясь на беззащитной поверхности. Машина еще больше снизила скорость. Обзор стал узким, будто Дарби видела Седьмую государственную дорогу каким-то туннельным зрением, и она ударила руль кулаком. Раздался гудок, но его некому было слышать.

Вот так люди и погибают. Ее кинуло в дрожь. В метель, попав в ловушку в суровой местности, израсходовав бензин.

Они замерзают насмерть.

Ей захотелось глотнуть «Ред Булла» — пусто.

Тэйлор Адамс

Дарби щелкала кнопками радио, склонившись в сторону пассажирского сиденья, чтобы видеть дорогу, и пыталась вспомнить, какую машину она повстречала сегодня последней. Когда это было? Сколько миль назад? Это был оранжевый снегоочиститель с эмблемой Государственной Дорожной Службы на дверце, тащившийся в правом ряду, выбрасывая на обочину струи ледяных обломков. Не меньше часа назад. Как раз, когда солнце скрылось.

Теперь небо над зубчатыми скалами стало сумрачным, иссиня-пурпурным, как кровоподтек. Силуэты обледеневших елей вполне соответствовали общей картине угловатости и искромсанности. Низины темнели, купаясь в озерах теней.

«Температура 4°»*, гласило табло на заправке «Шелл», которую Дарби проехала тридцать миль назад. Наверное, сейчас холоднее.

Теперь она увидела вот что: полужансенный зеленый знак в снегу на высокой обочине справа. Он надвигался на нее, выхваченный из сумрака светом замызганных фар «Хонды»: «365 дней со времени последнего несчастного случая».

Вычисляли, должно быть, за несколько дней до снежного шторма, но сейчас Дарби находила это зловещим. В точности один год, ну надо же. Это придавало сегодняшнему вечеру вкус некоего жестокого юбилея. Надпись была пугающе странной, будто адресованной лично ей, и очень походила на надпись на могильной плите. Ее плите.

И следующий знак, еще один.

«ВПЕРЕДИ ЗОНА ОТДЫХА».

* По Фаренгейту.

* * *

Видел одну — считай, видел их все.

Вытянутый типовой барак (гостевой центр, туалеты, может быть, еще на одном энтузиазме работающий магазинчик с вещами первой необходимости или кофейня) угнезвился между потрепанными ветром соснами и потрескавшейся скалой. Флагшток без флага. Похожие на барабаны куски распиленного старого дерева. Скульптурная группа из бронзы, со статуями, заметенными снегом по поясу: кусочек искусства на деньги налогоплательщиков в честь какого-то местного доктора или первопроходца. И сбоку — участок под стоянку с невеликим числом припаркованных машин — все прочие автомобилисты берегли себя, ожидая, когда придут снегоочистители.

Дарби проехала десятки подобных зон отдыха с тех пор, как выехала из Боулдера. Какие-то были больше, большинство — лучше, и все — не в такой глуши. Но эта, несомненно, самой судьбой выбрана для нее.

«УСТАЛИ? Ищите синий знак! БЕСПЛАТНЫЙ КОФЕ ВНУТРИ».

И более новый плакат, напечатанный при президентстве Буша, с американским орлом, Хранителем Родины: «ЧТО-ТО НУЖНО? СКАЖИТЕ, ЧТО».

Последний знак, в конце съезда, был Т-образным. Он призывал грузовики и трейлеры ставить слева, а небольшие машины справа.

Дарби едва не въехала в него.

Лобовое стекло было уже занесено снегом до непрозрачности — правый «дворник» тоже тупил и не справлялся — так что рулила она, опустив боковое окно и протирая ладонью небольшой кружок перед собой. Способ навигации, похожий на выглядывание в перископ.

Тэйлор Адамс

Она не беспокоилась о том, чтобы правильно выбрать место для парковки, — цветные линии и бордюры все равно будут видны не раньше марта — и пристроила Синенькую рядом с серым мини-вэном без окон.

Она заглушила двигатель. Вырубила фары.

Тишина...

Ее руки тихо тряслись. Выходил адреналин с того первого заноса. Она сжимала их в кулаки, сперва правую, а затем левую (вдохнуть, досчитать до пяти, выдохнуть) и наблюдала за накопившимся снегом на лобовом стекле. Через десять секунд круг, протертый ею, исчез. А через тридцать она была раздавлена рухнувшей на нее ледяной черной глыбой.

Глыбой осознания очевидного факта, что она не успеет добраться до своего городка Прово в штате Юта к завтрашнему полудню.

Оптимистический вариант расчета времени прибытия основывался на том, что она проедет Впалую Хребтину еще до полуночи, и тогда даже останется время на короткий сон часов до трех утра, чтобы взбодриться. Пурга спутала все планы. Сейчас было почти восемь часов вечера. Объективно: когда дороги расчистят, даже если Дарби не будет останавливаться поспать или сходить в туалет, то все равно не успеет и не увидится с матерью до операции. Это окно возможностей ЗАКРЫЛОСЬ НЕЗАВИСИМО ОТ ТЕБЯ, как заглочившее приложение на смартфоне, успевшее перед падением показать тебе красивую картинку с изображением Скалистых гор.

Тогда увидится... *после?*

А это значит... *когда?*

Теперь внутри «Хонды» было совсем темно. Плотный снег облеплял стекла со всех сторон, будто берлогу по-

лярного медведя. Дарби проверила айфон, щурясь от яркой подсветки, — нет сигнала, и девять процентов заряда батареи. Последнее принятое сообщение было открыто. Первый раз она прочитала его на окружной дороге Джипсума, проезжая через какую-то скользкую обледеневшую дамбу на скорости восемьдесят пять миль в час с вибрирующим телефоном в руке.

«Она норм в данный момент».

В данный момент. Это было пугающее уточнение. И не только оно пугало. И не столько.

Дэвон, старшая сестра Дарби, думала эмоциями. Ее эсэмэски и посты в «Твиттере» обычно страдали аллергией на пунктуацию; заполошные вспышки пустословия в поисках связной мысли. Но не в этот раз. Дэвон использовала короткое слово «норм» и закончила предложение точкой, и эти маленькие детали обжигали Дарби изнутри, будто язва, и заставляли желудок тоскливо сжиматься.

Неявная, но подсказка, что все происходящее сейчас в Больнице Долины Юта куда менее «норм», чем написано, и просто не может быть выражено с помощью клавиатуры.

Только несколько нелепых слов.

«Она норм в данный момент».

И теперь Дарби, нерадивая вторая дочь, находилась в ловушке на уединенной базе отдыха ниже перевала через Хребтину, потому что пыталась играть в догонялки со Сноумагеддоном на горной трассе. И проиграла. Высоко в горах, внутри «Хонды-Цивик» 94 года, заваленная снегом, со сломанными «дворниками», разряженным телефоном и неясным текстовым сообщением, выжигающим ей мозг.

«Мама нормально в данный момент». Это может означать что угодно. Любой ужас.